

Культура. — 2004. — 3-9 июня. —
с. 16

Ехал Штепсель на такси

Их популярность была поистине всенародной. С ними здоровались на улицах, приглашали в гости, штурмовали концертные залы, в которых они выступали. В детских садиках малыши распевали:

*До-ре-ми-фа- соль-ля-си,
Ехал Штепсель на такси,
Тарапунька прицепился
И бесплатно прокатился.*

Им присылали испорченные изделия ("Покритикуйте бракоделов!"), умоляли помочь вернуть мужа, который ушел к соседке Дашке ("Вас он послушает!"), требовали "выдать" зарвавшемуся президенту Америки ("Как вы умеете!"). Приходили телеграммы с трогательно-наивным адресом: "Москва, Кремль, Тарапуньке и Штепселю". И самое забавное — эти телеграммы доходили до адресатов.

Их дружба была уникальной: пятьдесят лет вместе и в жизни, и на эстраде. Оба окончили Киевский театральный институт, оба прошли всю войну, от Киева до Берлина. Вернувшись, поехали в Москву на Всесоюзный конкурс артистов эстрады, стали лауреатами, победно зашагали от успеха к успеху и до конца творческого и жизненного пути уже не расставались. Причем это при полярно противоположных характерах: Юрий Тимошенко — взрывной, увлекающийся, рискованный, управляемый и не-

Е. Березин и Ю. Тимошенко

предсказуемый, большой ребенок, любимым блюдом которого были булочки с молоком. Ефим Березин — спокойный, сдержанный, мудрый и рассудительный, преданный муж и заботливый отец. Утесов когда-то сказал: "Одесситы считают меня одесским консулом в Москве". А родственники Березина считали его полномочным послом в Киеве. Родственники исчислялись легионами: половина Одессы и четверть Кишинева. Кому-то не давали квартиру, кого-то уволили с работы, кого-то не приняли в институт, кому-то досталось не то место на кладбище... С утра до вечера Березин звонил, писал письма, ходил на приемы к министрам — выполнял задания родичей.

Они часто выступали за границу, приходилось за короткий срок выучивать все интермедии на других языках. Спасала поразительная память Березина. Он запоминал тексты и свои, и партнера. Когда Тарапунька вдруг начинал загибаться, Штепсель немедленно приходил на помощь: "Ты хочешь спросить..." — и бойко проговаривал вопрос Тимошенко. "Да, да, именно это я и хотел спросить!" — с облегчением подтверждал тот, и Штепсель весело отвечал сам себе.

Войну они прошли с военным ансамблем, вместе с такими выдающимися личностями, как композитор

Марк Фрадкин, балетмейстеры Павел Вирский, Борис Сичкин. В образах повара Галкина и банщика Мочалкина пели озорные частушки, в сатирических интермедиях издевались над фашистами. После войны был создан оргкомитет, который возглавили Тимошенко и Березин. И все участники ансамбля раз в два года собирались в Киеве на спортплощадке Дома офицеров. Как когда-то, выстроившись по росту, делали переключку, потом за дружеским столом вспоминали былое, смеялись над забавными случаями из фронтовой жизни, поминали павших, хором пели "Ой, Днипро, Днипро" — песню, рожденную в ансамбле. Здесь же, на спортплощадке, через много лет фронтовик-генерал, начальник военкомата, вручал им, уже народным и заслуженным, медали "За оборону Киева", "За освобождение Варшавы", "За взятие Берлина"... Увы, с каждым годом все меньше и меньше ветеранов собиралось в Доме офицеров, все больше и больше бывших ансамблистов не отзывалось во время переключки. С тысяча девятьсот восемьдесят шестого года перестал откликаться и Юрий Тимошенко.

В памяти всплывает тяжелое воспоминание — похороны Тимошенко. Он лежал в красном гробу, в Киевском доме актера, улицы были запр-

жены народом, движение перекрыто — киевляне прощались со своим любимцем. Раздавленный горем, мгновенно постаревший, подошел к нему Березин, постоял молча, потом выдал из себя:

— Так много хотел тебе сказать на прощанье, но... Прости, Юра, я впервые забыл свой текст.

Смерть друга подкосила Березина — он заболел. Болезнь прогрессировала. Какое-то время он еще пытался выступать сам, но потом перестал. Когда ему исполнилось семьдесят пять, мы ему устроили юбилей. Помню его слова, сказанные после:

— Спасибо за праздник. Больше я на сцену не выйду: не хочу быть смешным.

Это произнес артист, который всю жизнь старался быть смешным!

Последние годы он вообще не выходил из квартиры и не давал никаких интервью.

Двадцатого мая этого года сердце Ефима Березина остановилось.

Хочется повторить его слова:

— Прости, Фима, так много хотел бы тебе сказать на прощанье, но...

Горло сжимает печаль. Прощаясь с ним, мы прощаемся с целой эпохой Тарапуньки и Штепселя, и они оба уходят в легенду.

Александр КАНЕВСКИЙ